

МОЙ
ПЕРВЫЙ РОМАН

ВАДИМ СЕЛИН

ШАНС
НА
ЛЮБОВЬ

ГЛАВА 1 ЧУЖИЕ СТЕНЫ

— Валя, доченька, пора вставать! — Сквозь сон я услышала голос папы.

В первые секунды не могла понять, почему он будит меня так рано, ведь за окном только-только светает, но в следующее мгновение вскочила с кровати, потому что голову пронзила мысль — пора ехать на вокзал!

— Я уже не сплю! — крикнула я и быстро спрыгнула с постели, ещё не до конца понимая, сплю или уже проснулась. — Мы опоздали!

— До поезда ещё два часа, не спеши, — улыбнулся папа. — Вещи уже собраны, осталось только позавтракать. Сейчас шесть часов, а поезд в восемь.

Папа вышел из комнаты. Я подошла к окну и посмотрела на пробуждающуюся природу. Мне очень нравится просыпаться рано. Люблю наблюдать за тем, как встаёт ласковое солнце, слушать, как робко начинают петь птицы, словно делая переключку, нравится наблюдать, как утренний мир постепенно заполняется звуками: шумом машин, голосами людей, звуками техники на стройке неподалёку... Очень жаль, что многие мои сверстники любят спать почти до обеда и из-за этого пропускают удивительно

красивый миг, когда рождается день. Даже на каникулах люблю вставать рано, потому что, если сплю допоздна, потом весь день болит голова. А если встаю рано, то ощущаю себя бодрой и полной сил. Мне даже лучше недоспать, чем поспать больше, чем нужно. И самое главное — когда просыпаюсь поздно, возникает ощущение, будто я всё пропустила: весь мир уже проснулся, живёт, а я ещё сплю!

Я отошла от окна и осмотрела комнату. На полу стоял большой рюкзак, в который я вчера сложила вещи. Изначально хотела взять дорожную сумку, но её пришлось оставить, потому что в этой поездке будет удобнее именно с рюкзаком.

Сейчас июнь. Я вспомнила, как ровно год назад, в июне, дорожная сумка с моими вещами стояла и ждала, когда я её возьму и мы навсегда покинем комнату. Правда, прежняя комната была не моей. То была совсем другая комната... А эта комната — моя собственная.

И вот сейчас, спустя год, я снова собираюсь в путь. Но в этот раз не с сумкой, а с большим рюкзаком.

Я принялась мысленно перебирать его содержимое: «Так, я ничего не забыла? Кроссовки, плотные штаны, чтобы ветки не царапали ноги и чтобы защититься от клещей; мазь от комаров, полотенце, влажные салфетки, мыло, расчёска, зубная паста, щётка...»

Вещей было не так много, потому что каждый предмет прошёл тщательный отбор.

Вчера весь вечер я их перебирала и думала — понадобится ли мне реально в поездке та или иная вещь или без неё вполне можно обойтись?

Помню, в прошлой поездке мне хватило всего нескольких вещей. Правда, раньше у меня было не так много одежды, как сейчас. Да и дальняя поездка была всего одна — в лагерь, два года назад, когда мне было тринадцать лет. Весь мой гардероб уместился в небольшой сумке.

Я привыкла жить скромно, сдержанно, не помешана на одежде. Раньше не могла позволить себе многих вещей, но теперь, когда могу покупать всё, что хочу, всё равно не приобретаю лишнего. Прежние привычки, думаю, останутся со мной на всю жизнь. Я смотрю иногда на девчонок, которые стоят у набитого шкафа и жалуется, что им нечего надеть, и недоумеваю: как это нечего надеть, если в этом шкафу вещей на пять человек?

Я осмотрела комнату. Кровать, шкаф, компьютер, уютные занавески персикового цвета под цвет стен... Любимая домашняя обстановка. Но мне предстоит провести неделю в совсем другом месте. Как же грустно расставаться с любимым домом даже на несколько дней!

Стало тоскливо. Не хочу уезжать... Здесь так хорошо...

«Может, никуда не ехать? — промелькнула мысль. Но я попыталась собрать волю в кулак

и твёрдо сказала: — Валя, успокойся! Ты вернёшься домой через неделю и снова будешь здесь жить!»

— Валя! Ты скоро? — послышался из кухни голос папы. — Поторопись, а то действительно на поезд опоздаем!

— Пап, я уже иду!

Я с грустью посмотрела на красного плюшевого медвежонка Малыша, у которого вместо глаза была пришита пуговица. Затем подошла к большому портрету родителей, который висел на стене. Я похожа одновременно и на папу, и на маму. От папы у меня прямой нос, красивые губы, а от мамы — карие глаза и густые вьющиеся каштановые волосы.

— Пап, мам, я уезжаю, — сказала я, с печальной улыбкой глядя на фотографию родителей. — Как вы думаете, папа не будет без меня скучать? Наверное, не будет. У него столько работы... Ему столько преступников надо найти!

Спустя час мы ехали в машине на железнодорожный вокзал.

Наверное, вам может показаться странным, почему я так сильно скучаю по дому и почему происходит эта путаница со словом «папа», но скоро я всё объясню.

Итак, мы ехали на вокзал. Я удивлённо посмотрела на папу — он зачем-то оделся в рабочую форму.

— Пап, а почему ты в форме? Тебе же сегодня на ночное дежурство!

— Я тебя отвезу, а сам поеду в участок, — внимательно глядя на дорогу, пояснил папа.

— А зачем так рано? Сейчас только полвосьмого утра!

— Много дел, — вздохнул папа. — Работы больше, чем времени. В районе опять шкодят малолетки — разрисовывают стены, окна разбивают. Буду сегодня проводить профилактические беседы с Самойловым и Рыбаковым. Совсем уже распоясались!

— Тебе надо отдыхать... — заметила я.

— Ничего, на пенсии отдохну, — весело подмигнул папа. — На работе есть банка хорошего кофе... Если устану — взбодрюсь!

И вот так каждый день... Папа на работе буквально живёт. Я никогда раньше не думала, что работа следователя такая насыщенная! Плюс к основной работе папа проводит профилактические беседы с трудными подростками.

По вечерам мы часто сидим за чашкой чая во дворе, в беседке, увитой виноградом, и он рассказывает истории из своей службы. Сейчас лето — самое время, чтобы сидеть допоздна за разговорами. И вот на целую неделю я лишусь этих историй... Но ничего! Зато вернусь и буду делиться с папой своими впечатлениями от поездки! Теперь истории буду рассказывать я!

Я живо представила, что уже завтра увижу свою мечту, и вместо грусти из-за расставания с домом возникло сильное желание поскорее приехать на вокзал. Ведь я еду не куда-нибудь, а куда желала поехать на протяжении многих лет!

Я не могла до конца поверить в реальность происходящего. Я еду к своей мечте — в горы. Но эта мечта осуществилась только благодаря тому, что год назад сбылась другая, самая главная мечта: у меня появился отец.

* * *

Настоящее тесно связано с прошлым. Поэтому, прежде чем перейти к основному рассказу, хочу поведать о своём прошлом. Но предупреждаю — рассказ будет долгим.

Я потеряла родителей, когда мне было пять лет. После этого оказалась в детском доме, где и прожила до четырнадцати.

Самое главное, яркое и пропитанное любовью воспоминание о родителях — это воспоминание о Новом годе.

Та зима выдалась невероятно снежной — сугробов намело до самых окон. В нашем доме были очень широкие подоконники (или я была маленькой?..), я любила на них взбираться и смотреть на улицу.

Однажды вечером, по обыкновению, забралась на подоконник и с восторгом увидела, что мороз нарисовал на стёклах узоры необычайной красоты. Они состояли из настолько искусно прорисованных деталей, что вряд ли какой-то художник смог бы повторить такой же узор кистью!

Спустились сумерки. Один за другим, как ёлочная гирлянда, вспыхнули фонари. Начал

тихо падать снег. Свет фонарей подсвечивал снежинки, и казалось, что с неба падает не снег, а серебряные блёстки.

Двухмесячный котёнок Рыжик прыгнул на подоконник, принялся тереться о мои ноги и громко мурлыкать. Подошла мама, улыбнулась, погладила меня по голове и крепко прижала к себе.

— Ты моя радость, — нежно сказала она.

— А ты моя, — ответила я и прижала маму к себе ещё крепче, чем она меня.

Снег пошёл сильнее. Серебро кружилось и переливалось в свете фонарей.

Мы увидели вдалеке папу. Он пробирался сквозь сугробы и нёс ёлку. Папа приблизился к дому и заметил нас в окне. Он улыбнулся и помахал рукой в толстой варежке.

Папа вошёл во двор. Вскоре за дверями послышался топот ног — папа сбивал с ботинок снег.

А вечером наряжали ёлку. Деревце постепенно оттаивало от мороза, и аромат хвои разливался по всему дому. В моём сердце было торжественное ощущение приближающихся праздников — Нового года и Рождества Христова.

Чуть позже мы с мамой сидели в комнате и смотрели телевизор. Вошёл папа и загадочным голосом сказал:

— Валя! Пойди-ка в коридор! Кажется, Зайчик тебе что-то принёс!

— Зайчик? — не поняла. — Какой Зайчик?

— Ты не знаешь, кто такой Зайчик? — удивлённо спросил папа и таинственным шёпотом поведал: — Зимой по миру ходит Зайчик, заходит в дома и дарит детям угощения. Ну, давай, беги в коридор!

Я спрыгнула с кресла. Следом за мной устремился Рыжик. Он был очень весёлым и игривым котёнком.

В коридоре стоял стул. Я увидела на нём крупные оранжевые мандарины.

— Папа! Мама! — восторженно воскликнула я. — Зайчик принёс мандарины! Ура-а!

— Ну так скорее их забирай! — улыбнулась мама.

Я принялась очищать фрукты. В воздухе разлился восхитительный цитрусовый аромат. Я поделилась мандаринами с родителями. Мне показалось, что это самые оранжевые и самые вкусные мандарины на свете!

В тот Новый год Дед Мороз подарил мне медвежонка. Он был плюшевый, красного цвета и такой хорошенький, что ему подходило только одно имя — Малыш. Он сразу же стал моей любимой игрушкой. Но Рыжику Малыш тоже приглянулся. Однажды котёнок настолько заигрался с медвежонком, что отгрыз ему левый глаз.

— Рыжик! Ну что ты наделал! — воскликнула я и подобрала с пола глаз Малыша.

У меня навернулись слёзы.

— Дочка, не плачь. — Мама погладила меня по голове и успокоила: — Сейчас мы пришьём Малышу новый глаз!

Она взяла коробку со швейными принадлежностями, и мы стали перебирать пуговицы, чтобы найти подходящий «глаз». Но ничего более или менее похожего на прежний не нашлось, и пришлось пришить медвежонку чёрную пуговицу, которая по размеру была в полтора раза крупнее, чем уцелевший правый глаз.

— Ничего страшного, так даже лучше! — заметив моё недоумение, подбодрила мама. — С таким глазом Малыш будет лучше видеть. Чем крупнее у медведей глаза, тем лучше они видят!

— Да? — с сомнением отозвалась я. — Ну хорошо...

Так у Малыша появился новый глаз.

* * *

В тот день, который разделил мою жизнь на «до» и «после», бушевала сильная метель. На дорогах ничего не было видно — город окутала сплошная белая пелена. Мама работала учительницей. Шли зимние каникулы, и мама должна была везти школьников в цирк.

— Ну и погода, — глядя за окно, поёжилась папа и сел на диван. — На дорогах, наверное, ужасные пробки. Может, цирк перенесёте на другой день?

— Но у нас билеты на сегодняшнее число, — вздохнула мама. — Так что придётся ехать.

Она оделась, собралась выходить из дома и перед выходом спросила:

— Валь, тебе шоколадку купить? Какую хочешь?

— Молочную, с орешками!

— Хорошо, — улыбнулась мама.

— Лена, подожди! Вы с учениками где встречаетесь? На остановке? Я тебя подвезу! — папа встал с дивана. — Там такая метель, тебя просто занесёт!

— Андрей, не надо, сиди дома! На дорогах ничего не видно! Сиди, я сама дойду!

— Нет, я тебя подвезу! — настаивал папа.

В итоге мама сдалась.

— Я быстро, — сказал мне папа.

Перед выходом из дома родители как-то особенно на меня посмотрели. Так, как не смотрели ещё никогда. Пристально, немного с тревогой. Они обняли меня и в один голос сказали:

— Я тебя люблю.

Эта фраза прозвучала в унисон. Они удивлённо и словно задумчиво переглянулись.

Родители ушли.

Через полчаса громко хлопнула входная дверь.

— Пап? Это ты? — спросила я и направилась в коридор.

Но неожиданно увидела не папу, а тётю Зою — женщину, у которой мы снимали дом.

— Тётя Зоя? — удивилась я. — А я думала, это папа вернулся.

Тётя Зоя ничего не ответила. Она медленно и нерешительно подошла поближе, крепко обняла меня и зарыдала.

Из-за метели родители попали в сильную аварию. Их не стало.

* * *

Не помню, как я оказалась в детском доме — кто меня туда привёл, как оформили. Этот отрезок стёрся из памяти. В дальнейшем психолог сказал, что в результате сильного потрясения некоторые воспоминания могут стираться. Это защитное свойство человеческой психики.

У нас не было родственников, кто мог бы оформить надо мной опеку, поэтому меня распределили в детский дом.

В детдоме всё было по-другому. Я резко оказалась в новом обществе со своими правилами, которых раньше не знала, и первое время не могла к ним привыкнуть.

Здесь всё было общим — общая спальня, общая столовая, общая детская. Было много детей и незнакомых женщин, которые назывались воспитателями и которых я должна была называть по имени и отчеству. Если раньше я жила в обычном доме номер десять, то теперь — в детском доме в группе номер два.

И само это понятие — детский дом — навевало на меня ужас. Дом, в котором живут только дети... Разве так может быть? Разве так должно быть?..

